

Киплинг

Холодное железо

Решив отправиться погулять до завтрака, Дан и Юна совсем не думали о том, что наступил иванов день. Они хотели всего лишь посмотреть на выдру, которая, как говорил старик Хобден, уже давно поселилась в их ручье, а раннее утро – это самое лучшее время, чтобы застигнуть зверя врасплох. Когда дети на цыпочках выходили из дому, часы пробили пять раз. Кругом царил удивительный покой. Сделав несколько шагов по усыпанной каплями росы лужайке, Дан остановился и поглядел на тянувшиеся за ним темные отпечатки следов.

– Может, стоит пожалеть наши бедные сандалии, – сказал мальчик. – Они ужасно намокнут.

Этим летом дети впервые стали носить обувь – сандалии и терпеть их не могли. Поэтому они их сняли, перекинули через плечо и весело зашагали по мокрой траве.

Солнце было высоко и уже грело, но над ручьем все еще клубились последние хлопья ночного тумана.

Вдоль ручья по вязкой земле тянулась ниточка следов выдры, и дети пошли по ним. Они пробирались по бурьяну, по скошенной траве: потревоженные птицы провожали их криком. Вскоре следы превратились в одну толстую линию, как будто здесь волокли бревно.

Дети прошли луг трех коров, мельничный шлюз, миновали кузницу, обогнули сад Хобдена, двинулись вверх по склону и оказались на покрытом папоротником холме Пука. В кронах деревьев кричали фазаны.

– Бесплезное занятие, – вздохнул Дан. Мальчик был похож на сбитую с толку гончую. – Роса уже высыхает, а старик Хобден говорит, что выдра может идти многие-многое мили.

– Я уверена, что мы и так уже прошли многие-многое мили. – Юна стала обмахиваться шляпой. – Как тихо! Наверно, будет не день, а настоящая парилка! – Она посмотрела вниз, в долину, где еще ни в одном доме не курился дымок.

– А Хобден уже встал! – Дан показал на открытую дверь дома у кузницы. – Как ты думаешь, что у старика на завтрак ?

– Один из этих, – Юна кивнула в сторону величавых фазанов, спускающихся к ручью, чтобы напиться. – Хобден говорит, что из них получается хорошее блюдо в любое время года.

Вдруг всего в нескольких шагах, чуть ли не из-под их босых ног выскочила лисица. Она твкнула и припустила прочь.

– А-а, Рыжая Кумушка! Если бы я знал все, что знаешь ты, это было бы кое-что! – вспомнил Дан слова Хобдена.

– Послушай, – Юна почти перешла на шепот, – тебе знакомо это странное чувство, будто что-то такое с тобой уже происходило раньше? Я почувствовала это, когда ты сказал "Рыжая Кумушка".

– Я тоже почувствовал, – сказал Дан. – Но что?

Дети смотрели друг на друга, дрожа от волнения.

– Подожди-подожди! – воскликнул Дан. – Я сейчас попробую вспомнить. Что-то было связано с лисой в прошлом году. О, я чуть не поймал ее тогда!

– Не отвлекайся! – сказала Юна, прямо запрыгав от возбуждения. – Помнишь, что-то случилось перед тем, как мы встретили лису. Холмы! Открывшиеся Холмы! Пьеса в театре – "Увидите то, что увидите"...

– Я все вспомнил! – воскликнул Дан. – Это ж ясно, как дважды два. Холмы Пука – холмы Пака – Пак!

– Теперь и я вспомнила, – сказала Юна. – И сегодня снова Иванов день!

Тут молодой папоротник на холме качнулся, и из него, пожевывая зеленую травинку, вышел Пак.

– Доброго вам утра. Вот приятная встреча! – начал он.

Все пожали друг другу руки и стали обмениваться новостями.

– А вы хорошо перезимовали, – сказал Пак спустя некоторое время и бросил на детей беглый взгляд. – Похоже, с вами ничего слишком плохого не приключилось.

– Нас обули в сандалии, – сказала Юна. – Посмотри на мои ступни – они совсем бледные, а пальцы на ноге так стиснуты – ужас.

– Да, носить обувь – неприятное дело. – Пак протянул свою коричневую, покрытую шерстью ногу и, зажав между пальцами одуванчик, сорвал его.

– Год назад и я так мог, – мрачно проговорил Дан, безуспешно пытаясь сделать то же самое. – И кроме того, в сандалях просто невозможно лазать по горам.

– И все-таки чем-то они должны же быть удобны, – сказал Пак. – Иначе люди не носили бы их. Пойдемте туда.

Они друг за другом двинулись вперед и дошли до ворот на дальнем склоне холма.

Здесь они остановились и, сгрудившись, подобно стаду овец, подставив солнцу спины, стали слушать жужжание лесных насекомых.

– Маленькие Линдены уже проснулись, – сказала Юна, повиснув на воротах так, что ее подбородок касался перекладки. – Видите дымок из трубы?

– Ведь сегодня четверг, да? – Пак обернулся и посмотрел на старый, розового цвета дом, стоящий на другом конце маленькой долины. – По четвергам миссис Винсей печет хлеб. В такую погоду тесто должно хорошо подниматься.

Тут он зевнул, и дети вслед за ним тоже раззевались.

А вокруг шуршал, шелестел и раскачивался во все стороны папоротник. Они чувствовали, как кто-то все время тихонько шмыгает мимо них.

– Очень похоже на Жителей Холмов, правда? – спросила Юна.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

- Это птицы и дикие звери удирают обратно в лес, пока еще не проснулись люди, – сказал Пак таким тоном, будто он был лесничим.
- Да, мы это знаем. Я ведь только сказала: "Похоже".
- Насколько я помню, Жители Холмов обычно производили больше шума. Они искали, где бы устроиться на день, как птицы ищут, где бы устроиться на ночь. Это было еще в те времена, когда Жители Холмов ходили с высоко поднятой головой. О боже! Вы и не поверите, в каких только делах я не участвовал!
- Хо! Мне нравится! – воскликнул Дан. – И это после всего, что ты рассказал нам в прошлом году?
- Только перед уходом ты заставил нас все забыть, – упрекнула его Юна.

Пак рассмеялся и кивнул.

- Я и в этом году сделаю так же. Я дал вам во владение Старую Англию и отнял ваш страх и сомнение, а с вашими памятью и воспоминаниями я поступлю вот как: я их спрячу, как прячут, например, удочки, забрасывая на ночь, чтобы не были видны другим, но чтобы самому можно было в любой момент их достать. Ну что, согласны? – И он задорно им подмигнул.
- Да уж придется согласиться, – засмеялась Юна. – Мы ведь не можем бороться с твоим колдовством. – Она сложила руки и облокотилась о ворота. – А если б ты захотел превратить меня в кого-нибудь, например в выдру, ты бы смог?
- Нет, пока у тебя на плече болтаются сандалии – нет.
- А я их сниму. – Юна сбросила сандалии на землю. Дан тут же последовал ее примеру. – А теперь?
- Видно, сейчас вы мне верите меньше, чем прежде. Истинная вера в чудеса никогда не требует доказательств.

Улыбка медленно поползла по лицу Пака.

- Но при чем тут сандалии? – спросила Юна, усевшись на ворота.
- При том, что в них есть Холодное Железо, – сказал Пак, примостившись там же. – Я имею в виду гвозди в подметках. Это меняет дело.
- Почему?
- Неужели сами не чувствуете? Ведь вы не хотели бы теперь постоянно бегать босиком, как в прошлом году? Ведь не хотели бы, а?
- Не-ет, пожалуй, не хотели бы все-то время. Понимаешь, я же становлюсь взрослой, – сказала Юна.
- Послушай, – сказал Дан, – ты же сам нам говорил в прошлом году – помнишь, в театре? – что не боишься Холодного Железа.
- Я-то не боюсь. Но люди – другое дело. Они подчиняются Холодному Железу. Ведь они с рождения живут рядом с железом, потому что оно есть в каждом доме, не так ли? Они соприкасаются с железом каждый день, а оно может либо возвысить человека, либо уничтожить его. Такова судьба всех смертных: ничего тут не поделаешь.
- Я не совсем тебя понимаю, – сказал Дан. – Что ты имеешь в виду?
- Я бы мог объяснить, но это займет много времени.
- Ну-у, так до завтрака еще далеко, – сказал Дан. – И к тому же перед выходом мы заглянули в кладовку...

Он достал из кармана один большой ломоть хлеба, Юна – другой, и они поделились с Паком.

– Этот хлеб пекли в доме у маленьких Линденов, – сказал Пак, запуская в него свои белые зубы. – Узнаю руку миссис Винсей. – Он ел, неторопливо прожевывая каждый кусок, совсем как старик Хобден, и, так же как и тот, не уронил ни единой крошки.

В окнах домика Линденов вспыхнуло солнце, и под безоблачным небом долина наполнилась покоем и теплом.

- Хм... Холодное Железо, – начал Пак. Дан и Юна с нетерпением ждали рассказа. – Смертные, как называют людей Жители Холмов, относятся к железу легкомысленно. Они вешают подкову на дверь и забывают перевернуть ее задом наперед. Потом, рано или поздно, в дом проскальзывает кто-нибудь из Жителей Холмов, находит грудного младенца и...
- О! Я знаю! – воскликнула Юна. – Он крадет его и вместо него подкладывает другого.
- Никогда! – твердо возразил Пак. – Родители сами плохо заботятся о своем ребенке, а потом сваливают вину на кого-то. Отсюда и идут разговоры о похищенных и подброшенных детях. Не верьте им. Будь моя воля, я посадил бы таких родителей на телегу и погонял бы их как следует по ухабам.
- Но ведь сейчас так не делают, – сказала Юна.
- Что не делают? Не гоняют или не относятся к ребенку плохо? Ну-у, знаешь. Некоторые люди совсем не меняются, как и земля. Жители Холмов никогда не проделывают такие штучки с подбрасыванием. Они входят в дом на цыпочках и шепотом, словно это шипит чайник, напевают спящему в нише камина ребенку то заклинание, то заговор. А позднее, когда ум ребенка созреет и раскроется, как почка, он станет вести себя не так, как все люди. Но самому человеку от этого лучше не будет. Я бы вообще запретил трогать младенцев. Так я однажды и заявил сэру Хьюону [*55].
- А кто такой сэр Хьюон? – спросил Дан, и Пак с немим удивлением повернулся к мальчику.
- Сэр Хьюон из Бордо стал королем фей после Оберона. Когда-то он был храбрым рыцарем, но пропал по пути в Вавилон. Это было очень давно. Вы слышали шуточный стишок "Сколько миль до Вавилона?" [*56]
- Еще бы! – воскликнул Дан.

– Так вот, сэр Хьюон был молод, когда он только появился. Но вернемся к младенцам, которых якобы подменяют. Я сказал как-то сэру Хьюону (утро тогда было такое же чудное, как и сегодня): "Если уж вам так хочется воздействовать и влиять на людей, а насколько я знаю, именно таково ваше желание, почему бы вам, заключив честную сделку, не взять к себе какого-нибудь грудного младенца и не воспитать его здесь, среди нас, вдали от Холодного Железа, как это делал в прежние времена король Оберон. Тогда вы могли бы предуготовить ребенку замечательную судьбу и потом послать обратно в мир людей".

"Что прошло, то миновало, – ответил мне сэр Хьюон. – Только мне кажется, что нам это не удастся. Во-первых, младенца надо взять так,

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

чтобы не причинить зла ни ему самому, ни отцу, ни матери. Во-вторых, младенец должен родиться вдали от железа, то есть в таком доме, где нет и никогда не было ни одного железного кусочка. И наконец, в-третьих, его надо будет держать вдали от железа до тех самых пор, пока мы не позволим ему найти свою судьбу. Нет, все это очень не просто". Сэр Хьюон погрузился в размышления и поехал прочь. Он ведь раньше был человеком.

Как-то раз, накануне дня великого бога Одина [*57], я оказался на рынке Льюиса, где продавали рабов – примерно так, как сейчас на Робертсбриджском рынке продают свиней. Единственное различие состояло в том, что у свиней кольцо было в носу, а у рабов – на шее.

– Какое еще кольцо? – спросил Дан.

– Кольцо из Холодного Железа, в четыре пальца шириной и один толщиной, похожее на кольцо для метания, но только с замком, защелкивающимся на шее. В нашей кузнице хозяева получали неплохой доход от продажи таких колец, они паковали их в дубовые опилки и рассылали по всей Старой Англии. И вот один фермер купил на этом рынке рабыню с младенцем. Для фермера ребенок был только лишней обузой, мешавшей его рабыне исполнять работу: перегонять скот.

– Сам он был скотина! – воскликнула Юна и ударила босой пяткой по воротам.

– Фермер стал ругать торговца. Но тут женщина перебила его: "Это вовсе и не мой ребенок. Я взяла младенца у одной рабыни из нашей партии, бедняга вчера умерла".

"Тогда я отнесу его в церковь, – сказал фермер. – Пусть святая церковь сделает из него монаха, а мы спокойно отправимся домой".

Стояли сумерки. Фермер крадучись вошел в церковь и положил ребенка прямо на холодный пол. И когда он уходил, втянув голову в плечи, я дохнул холодом ему в спину, и с тех пор, я слышал, он не мог согреться ни у одного очага. Еще бы! Это и не удивительно! Потом я растормошил ребенка и со всех ног помчался с ним сюда, на Холмы.

Было раннее утро, и роса еще не успела обсохнуть. Наступал день Тора – такой же день, как сегодня. Я положил ребенка на землю, а все Жители Холмов столпились вокруг и стали с любопытством его рассматривать.

"Ты все-таки принес дитя", – сказал сэр Хьюон, разглядывая ребенка с чисто человеческим интересом.

"Да, – ответил я, – и желудок его пуст".

Ребенок прямо заходился от крика, требуя себе еды.

"Чей он?" – спросил сэр Хьюон, когда наши женщины забрали младенца, чтобы покормить.

"Ты лучше спроси об этом у Полной Луны или Утренней Звезды. Может быть, они знают. Я же – нет. При лунном свете я сумел разглядеть только одно – это непорочный младенец, и клейма на нем нет. Я ручаюсь, что он родился вдали от Холодного Железа, ведь он родился в хижине под соломенной крышей. Взяв его, я не причинил зла ни отцу, ни матери, ни ребенку, потому что мать его, невольница, умерла".

"Что ж, все к лучшему, Робин, – сказал сэр Хьюон. – Тем меньше будет он стремиться уйти от нас. Мы предуготовим ему прекрасную судьбу, и он будет воздействовать и влиять на людей, к чему мы всегда так стремились".

Тут появилась супруга сэра Хьюона и увела его позабавиться чудесными проделками малыша.

– А кто была его супруга? – спросил Дан.

– Леди Эсклермонд.

Раньше она была простой женщиной,

пока не отправилась вслед за своим мужем и не стала феей. А меня маленькие дети не очень-то интересовали – на своем веку я успел насмотреться на них ого-го сколько, – поэтому я с супругами не пошел и остался на холме. Вскоре я услышал тяжелые удары молота. Они раздавались оттуда – из кузницы. – Пак показал в сторону дома Хобдена. – Для рабочих было еще слишком рано. И тут у меня снова мелькнула мысль, что наступающий день – день Тора. Я хорошо помню, как дул несильный северо-восточный ветер, шевеля и покачивая верхушки дубов. Я решил пойти посмотреть, что там происходит.

– И что же ты увидел?

– Увидел ковавшего, он из железа изготавливал какой-то предмет. Закончив работу, взвесил его на ладони – все это время он стоял ко мне спиной – и бросил свое изделие, как бросают метательное кольцо, далеко в долину. Я видел, как железо блеснуло на солнце, но куда оно упало, не рассмотрел. Да это меня и не интересовало. Я ведь знал, что рано или поздно кто-нибудь его найдет.

– А откуда ты знал? – снова спросил Дан.

– Потому что узнал ковавшего, – спокойно ответил Пак.

– Наверно, это был Вейланд? – поинтересовалась Юна.

– Нет. С Вейландом я бы, конечно, поболтал часок-другой. Но это был не он. Поэтому, – Пак описал в воздухе некую странную дугу, – я лег и стал считать травинки у себя под носом, пока ветер не стих и ковавший не удалился – он и его Молот [*58]

– Так это был Тор! – прошептала Юна, задержав дыхание.

– Кто же еще! Ведь это был день Тора. – Пак снова сделал рукой тот же знак. – Я не сказал сэру Хьюону и его супруге о том, что видел. Храни свои подозрения про себя, если уж ты такой подозрительный, и не беспокой ими других. И кроме того, я ведь мог и ошибиться насчет того предмета, который выковал кузнец.

Может быть, он работал просто для своего удовольствия, хотя это было на него и не похоже, и выбросил всего лишь старый кусок ненужного железа. Ни в чем нельзя быть уверенным. Поэтому я держал язык за зубами и радовался ребенку... Он был чудесным малышом, и к тому же Жители Холмов так на него рассчитывали, что мне просто бы не поверили, расскажи я им тогда все, что увидел. А мальчик очень ко мне привык. Как только он начал ходить, мы с ним потихоньку облазали все здешние холмы. В папоротник и падать не больно!

Он чувствовал, когда наверху, на земле, начинался день, и начинал руками и ногами стучать, стучать, стучать, как кролик по барабану, и кричать: "Откой! Откой!", пока кто-нибудь, кто знал заклинание, не выпускал его из холмов наружу, и тогда он звал меня: "Лобин! Лобин!", пока я не приходил.

– Он просто прелесть! Как бы мне хотелось увидеть его! – сказала Юна.

– Да, он был хорошим мальчиком. Когда дело дошло до заучивания колдовских чар, заклинаний и тому подобного, он, бывало, сядет на

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

холме где-нибудь в тени и давай бормотать запомнившиеся ему строчки, пробуя свои силы на каком-нибудь прохожем. Если же к нему подлетала птица или наклонялось дерево (они делали это из чистой любви, потому что все, абсолютно все на холмах любили его), он всегда кричал: "Робин! Гляди, смотри! Гляди, смотри, Робин!" – и тут же начинал бормотать те или иные заклинания, которым его только что обучили. Он их все время путал и говорил шиворот-навыворот, пока я набрался мужества и не объяснил ему, что он говорит чепуху и ею не сотворить даже самого маленького чуда. Когда же он выучил заклинания в правильном порядке и смог, как мы говорим, безошибочно ими жонглировать, он все больше стал обращать внимания на людей и на события, происходящие на земле. Люди всегда привлекали его особенно сильно, ведь сам он был простым смертным.

Когда он подрос, он смог спокойно ходить по земле среди людей и там, где было Холодное Железо, и там, где его не было. Поэтому я стал брать его с собой на ночные прогулки, где он мог бы спокойно смотреть на людей, а я мог бы следить, чтобы он не коснулся Холодного Железа. Это было совсем нетрудно, ведь на земле для мальчика было столько интересного и привлекательного, помимо этого железа. И все же он был сущее наказание!

Никогда не забуду, как я впервые отвел его к маленьким Линденам. Это вообще была его первая ночь, проведенная под какой-либо крышей. Запах ароматных свечей, мешающийся с запахом подвешенных свиных окороков, перина, которую как раз набивали перьями, теплая ночь с морозящим дождем – все эти впечатления разом обрушились на него, и он совсем потерял голову. Прежде чем я успел его остановить – а мы прятались в пекарне, – он забросал все небо молниями, зарницами и громами, от которых люди с визгом и криком высыпали на улицу, а одна девочка перевернула улей, так что мальчишку всего изжалили пчелы (он-то и не подозревал, что ему может грозить такая напасть), и когда мы вернулись домой, лицо его напоминало распаренную картофелину.

Можете представить, как сэр Хьюон и леди Эсклермонд рассердились на меня, бедного Робина! Они говорили, что мальчика мне больше доверять ни в коем случае нельзя, что нельзя больше отпускать его гулять со мной по ночам, но на их приказание мальчик обращал так же мало внимания, как и на пчелиные укусы. Ночь за ночью, как только темнело, я шел на его свист, находил его среди покрытого росой папоротника, и мы отправлялись до утра бродить по земле, среди людей. Он задавал вопросы, я насколько мог отвечал на них. Вскоре мы попали в очередную историю. – Пак так захохотал, что ворота затрещали. – Однажды в Брайтлинге мы увидели мужчину, колотившего в саду свою жену палкой. Я только собирался перебросить его через его же собственную дубину, как наш пострел вдруг перескочил через забор и кинулся на драчуна. Женщина, естественно, взяла сторону мужа, и, пока тот колотил мальчика, она царапала моему бедняге лицо. И только когда я, пылая огнем, словно береговой маяк, проплясал по их капустным грядкам, они бросили свою жертву и убежали в дом. На мальчика было страшно смотреть. Его шитая золотом зеленая куртка была разорвана в клочья; мужчина изрядно отдубасил его, а женщина в кровь исцарапала лицо. Он выглядел настоящим бродягой.

"Послушай, Робин, – сказал мальчик, пока я пытался почистить его пучком сухой травы, – я что-то не совсем понимаю этих людей. Я бежал помочь бедной старухе, а она же сама и набросилась на меня!"

"А чего ты ожидал? – ответил я. – Это, кстати, был тот случай, когда ты мог бы воспользоваться своим умением колдовать, вместо того чтобы бросаться на человека в три раза крупнее тебя".

"Я не догадался, – сказал он. – Зато разок так двинул ему по башке, что это было не хуже любого колдовства".

"Посмотри лучше на свой нос, – посоветовал я, – и оботри с него кровь – да не рукавом! – пожалей хоть то, что уцелело. Вот возьми лист щавеля".

Я-то знал, что скажет леди Эсклермонд. А ему было все равно! Он был счастлив, как цыган, укравший лошадь, хотя его шитый золотом костюмчик, весь покрытый пятнами крови и зелени, спереди походил на костюм древнего человека, которого только что принесли в жертву.

Жители Холмов во всем, конечно же, обвинили меня.

По их представлению, сам мальчик ничего плохого сделать не мог.

"Вы же сами воспитываете его так, чтобы в будущем, когда вы его отпустите, он смог воздействовать на людей, – отвечал я. – Вот он уже и начал это делать. Что ж вы меня стыдите? Мне нечего стыдиться. Он человек и по своей природе тянется к себе подобным".

"Но мы не хотим, чтобы он начинал так, – сказала леди Эсклермонд. – Мы ждем, что в будущем он будет совершать великие дела, а не шляться по ночам и не прыгать через заборы, как цыган".

"Я не виню тебя, Робин, – сказал сэр Хьюон, – но мне действительно кажется, что ты мог бы смотреть за малышом повнимательнее".

"Я все шестнадцать лет слежу за тем, чтобы мальчик не коснулся Холодного Железа, – возразил я. – Вы же знаете не хуже меня, что как только он прикоснется к железу, он раз и навсегда найдет свою судьбу, какую бы иную судьбу вы для него ни готовили. Вы мне кое-чем обязаны за такую службу".

Сэр Хьюон в прошлом был человеком, и поэтому был готов со мной согласиться, но леди Эсклермонд, покровительница матерей, переубедила его.

"Мы тебе очень благодарны, – сказал сэр Хьюон, – но считаем, что сейчас ты с мальчиком проводишь слишком много времени на своих холмах".

"Хоть вы меня и упрекнули, – ответил я, – я даю вам последнюю попытку передумать". Ведь я терпеть не мог, когда с меня требовали отчета в том, что я делаю на собственных холмах. Если бы я не любил мальчика так сильно, я не стал бы даже слушать их попреки.

"Нет-нет! – сказала леди Эсклермонд. – Когда он бывает со мной, с ним почему-то ничего подобного не происходит. Это целиком твоя вина".

"Раз вы так решили, – воскликнул я, – слушайте же меня!"

Пак дважды рассек ладонью воздух и продолжал: "Клянусь Дубом, Ясенем и Терновником, а также молотом аса Тора, клянусь перед всеми вами на моих холмах, что с этой вот секунды и до тех пор, когда мальчик найдет свою судьбу, какой бы она ни была, вы можете вычеркнуть меня из всех своих планов и расчетов".

После этого я исчез, – Пак щелкнул пальцами, – как исчезает пламя свечи, когда на нее дуешь, и хотя они кричали и звали меня, я больше не показался. Но, однако, я ведь не обещал оставить мальчика без присмотра. Я за ним следил внимательно, очень внимательно! Когда мальчик узнал, что они вынудили меня сделать, он высказал им все, что думает по этому поводу, но они стали так целовать и суетиться вокруг него, что в конце концов (я не виню его, ведь он был еще маленьким), он стал на все смотреть их глазами, называя себя злым и неблагодарным по отношению к ним. Потом они стали показывать ему новые представления, демонстрировать чудеса, лишь бы он перестал думать о земле и людях. Бедное человеческое сердце! Как он, бывало, кричал и звал меня, а я не мог ни ответить, ни даже дать ему знать, что я рядом!

– Ни разу, ни разу? – спросила Юна. – Даже если ему было очень одиноко?

– Он же не мог, – ответил Дан, подумав. – Ты ведь поклялся молотом Тора, что не будешь вмешиваться, да, Пак?

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

– Да, молотом Тора! – ответил Пак низким, неожиданно громким голосом, но тут же снова перешел на мягкий, каким он говорил всегда. – А мальчик действительно загрустил от одиночества, когда перестал меня видеть. Он попытался учить все подряд – учителя у него были хорошие – но я видел, как время от времени он отрывал взор от больших черных книг и устремлял его вниз, в долину, к людям. Он стал учиться слагать песни – и тут у него был хороший учитель, – но и песни он пел, повернувшись к Холмам спиной, а лицом вниз, к людям. Я-то видел! Я сидел и горевал так близко, что кролик допрыгнул до меня одним прыжком. Затем он изучил начальную, среднюю и высшую магию. Он обещал леди Эсклермонд, что к людям не подойдет и близко, поэтому ему пришлось довольствоваться представлениями с созданными им образами, чтобы дать выход своим чувствам.

– Какие еще представления? – спросила Юна.

– Да так, ребячье колдовство, как мы говорим. Я вам как-нибудь покажу. Оно некоторое время занимало его и никому не приносило особого вреда, разве что нескольким засидевшимся в кабаке пьяницам, которые возвращались домой поздней ночью. Но я-то знал, что все это значит, и следовал за ним неотступно, как горностаи за кроликом. Нет, на свете не было больше таких хороших мальчиков! Я видел, как он шел след в след за сэром Хьюоном и леди Эсклермонд, не отступая в сторону ни на шаг, чтобы не угодить в борозду, проложенную Холодным Железом, или издали обходил давно посаженный ясен, потому что человек забыл возле него свой садовый нож или лопату, а в это самое время сердце его изо всех сил рвалось к людям. О славный мальчик! Те двое всегда прочили ему великое будущее, но в сердце у них не нашлось мужества позволить ему испытать свою судьбу. Мне передавали, что их уже многие предостерегали от возможных последствий, но они и слышать ничего не хотели. Поэтому и случилось то, что случилось.

Однажды теплой ночью я увидел, как мальчик бродил по холмам, объятый пламенем недовольства. Среди облаков одна за другой вспыхивали зарницы, в долину неслись какие-то тени, пока наконец все рожи внизу не наполнились визжащими и лающими охотничьими собаками, а все лесные тропинки, окутанные легким туманом, не оказались забитыми рыцарями в полном вооружении. Все это, конечно, было только представлением, которое он вызвал собственным колдовством. Позади рыцарей были видны грандиозные замки, спокойно и величественно поднимающиеся на арках из лунного света, и в их окнах девушки приветливо махали руками. То вдруг все превращалось в кипящие реки, а потом все окутывала полная мгла, поглощавшая краски, мгла, которая отражала царивший в юном сердце мрак. Но эти игры меня не беспокоили. Глядя на мерцающие зарницы с молниями, я читал в его душе недовольство и испытывал к нему нестерпимую жалость. О, как я его жалел! Он медленно бродил взад-вперед, как бык на незнакомом пастбище, иногда совершенно один, иногда окруженный плотной сворой сотворенных им собак, иногда во главе сотворенных рыцарей, скачущих на лошадях с ястребиными крыльями, мчался спасать сотворенных девушек. Я и не подозревал, что он достиг такого совершенства в колдовстве и что у него такая богатая фантазия, но с мальчиками такое бывает нередко.

В тот час, когда сова во второй раз возвращается домой, я увидел, как сэр Хьюон вместе со своей супругой спускаются верхом с моего Холма, где, как известно, колдовать мог лишь я один. Небо над долиной продолжало пылать,

и супруги были очень довольны, что мальчик достиг такого совершенства в магии. Я слышал, как они перебирают одну замечательную судьбу за другой, выбирая ту, которая должна будет стать его жизнью, когда они в глубине сердца решатся наконец позволить ему отправиться к людям, чтобы воздействовать на них. Сэр Хьюон хотел бы видеть его королем того или иного королевства, леди Эсклермонд – мудрейшим из мудрецов, которого все люди превозносили бы за ум и доброту. Она была очень добрая женщина.

Вдруг мы заметили, что зарницы его недовольства отступили в облака, а сотворенные собаки разом смолкли.

"Там с его колдовством борется чье-то чужое! – вскричала леди Эсклермонд, натягивая поводья. – Кто же против него?"

Я мог бы ответить ей, но считал, что мне незачем рассказывать о делах и поступках аса Тора.

– А откуда ты узнал, что это он? – спросила Юна.

– Я помню, как дул легкий северо-восточный ветер, пробираясь сквозь дубы и покачивая их верхушки. Зарница последний раз вспыхнула, охватив все небо, и мгновенно погасла, как гаснет свеча, а нам на голову посыпался колючий град. Мы услышали, как мальчик идет по излучине реки – там, где я впервые вас увидел.

"Скорей! Скорей иди сюда!" – звала леди Эсклермонд, протягивая руки в темноту.

Мальчик медленно приближался, все время спотыкаясь – он ведь был человек и не видел в темноте.

"Ой, что это?" – спросил он, обращаясь к самому себе.

Мы все трое услышали его слова.

"Держись, дорогой, держись! Берегись Холодного Железа!" – крикнул сэр Хьюон, и они с леди Эсклермонд с криком бросились вниз, словно вальдшнепы.

Я тоже бежал возле их стремени, но было уже поздно. Мы почувствовали, что где-то в темноте мальчик коснулся Холодного Железа, потому что Лошади Холмов чего-то испугались и завертели на месте, храпя и фырча.

Тут я решил, что мне уже можно показаться на свет, так я и сделал.

"Каким бы этот предмет ни был, он из Холодного Железа, и мальчик уже схватился за него. Нам остается только выяснить, за что же именно он взялся, потому что это и предопределяет судьбу мальчика".

"Иди сюда, Робин, – позвал меня мальчик, едва слышав мой голос. – Я за что-то схватился, не знаю, за что..."

"Но ведь это у тебя в руках! – крикнул я в ответ. – Скажи нам, предмет твердый? Холодный? И есть ли на нем сверху алмазы? Тогда это – королевский скипетр".

"Нет, не похоже", – ответил мальчик, передохнул и снова в полной темноте стал вытаскивать что-то из земли. Мы слышали, как он пыхтит.

"А есть ли у него рукоятка и две острые грани? – спросил я. – Тогда это – рыцарский меч".

"Нет, это не меч, – был ответ. – Это и не лемех плуга, не крюк, не крючок, не кривой нож и вообще ни один из тех инструментов, какие я видел у людей".

Он стал руками разгребать землю, стараясь извлечь оттуда незнакомый предмет.

"Что бы это ни было, – обратился ко мне сэр Хьюон, – ты, Робин, не можешь не знать, кто положил его туда, потому что иначе ты не задавал бы все эти вопросы. И ты должен был сказать мне об этом давно, как только узнал сам".

"Ни вы, ни я ничего не могли бы сделать против воли того кузнеца, кто выковал и положил этот предмет, чтобы мальчик в свой час нашел его", – ответил я шепотом и рассказал сэру Хьюону о том, что видел в кузнице в день Тора, когда младенца впервые принесли на Холмы.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

"Что ж, прощайте, мечты! – воскликнул сэр Хьюон. – Это не скипетр, не меч, не плуг. Но может быть, это ученая книга с золотыми застежками? Она тоже могла бы означать неплохую судьбу".

Но мы знали, что этими словами просто утешаем сами себя, и леди Эсклермонд, поскольку она когда-то была женщиной, так нам прямо и сказала.

"Хвала Тору! Хвала Тору! – крикнул мальчик. – Он круглый, у него нет конца, он из Холодного Железа, шириной в четыре пальца и толщиной в один, и тут еще нацарапаны какие-то слова".

"Прочти их, если можешь!" – крикнул я в ответ. Темнота уже рассеялась, и сова в очередной раз вылетела из гнезда.

Мальчик громко прочел начертанные на железе руны:

Немногие могли бы

Предвидеть, что случится,

Когда дитя найдет

Холодное Железо.

Теперь мы его увидели, нашего мальчика: он гордо стоял, освещенный светом звезд, и у него на шее сверкало новое, массивное кольцо бога Тора.

"Его так носят?" – спросил он.

Леди Эсклермонд заплакала.

"Да, именно так", – ответил я. Замок на кольце, однако, еще не был защелкнут.

"Какую судьбу это кольцо означает? – спросил меня сэр Хьюон, пока мальчик ощупывал кольцо. – Ты, не боящийся Холодного Железа, ты должен сказать нам и научить нас".

"Сказать я могу, а научить – нет, – ответил я. – Это кольцо Тора сегодня означает только одно – отныне и впредь он должен будет жить среди людей, трудиться для них, делать им то, в чем они нуждаются, даже если сами они и не подозревают, что это будет им необходимо. Никогда не будет он сам себе хозяин, но не будет и над ним другого хозяина. Он будет получать половину того, что дает своим искусством, и давать в два раза больше, чем получит, и так до конца его дней, и если свое бремя труда он не будет нести до самого последнего дыхания, то дело всей его жизни пропадет впустую".

"О злой, жестокий Тор! – воскликнула леди Эсклермонд. – Но смотрите, смотрите! Замок еще открыт! Он еще не успел его защелкнуть. Он еще может снять кольцо. Он еще может к нам вернуться. Вернись же! Вернись!" Она подошла так близко, как только смела, но не могла дотронуться до Холодного Железа. Мальчик мог бы снять кольцо. Да, мог бы. Мы стояли и ждали, сделает ли он это, но он решительно поднял руку и защелкнул замок навсегда.

"Разве я мог поступить иначе?" – сказал он.

"Нет, наверное, нет, – ответил я. – Скоро утро, и если вы трое хотите попрощаться, то прощайтесь сейчас, потому что с восходом солнца вы должны будете подчиниться Холодному Железу, которое вас разлучит".

Мальчик, сэр Хьюон и леди Эсклермонд сидели, прижавшись друг к другу, по их щекам текли слезы, и до самого рассвета они говорили друг другу последние слова прощания.

Да, такого благородного мальчика на свете еще не было.

– И что с ним стало? – спросила Юна.

– Едва забрезжил рассвет, он сам и его судьба подчинились Холодному Железу. Мальчик отправился жить и трудиться к людям. Однажды он встретил девушку, близкую ему по духу, и они поженились, и у них родились дети, прямо-таки "куча мала", как говорит поговорка. Может быть, в этом году вы еще встретите кого-нибудь из его потомков.

– Хорошо бы! – сказала Юна. – Но что же делала бедная леди?

– А что вообще можно сделать, когда сам ас Тор выбрал мальчику такую судьбу? Сэр Хьюон и леди Эсклермонд утешали себя лишь тем, что они научили мальчика, как помогать людям и влиять на них. А он действительно был мальчиком с прекрасной душой! Кстати, не пора ли вам уже идти на завтрак? Пойдемте, я вас немного провожу.

Вскоре Дан, Юна и Пак дошли до места, где стоял сухой, как палка, папоротник. Тут Дан тихонько толкнул Юну локтем, и она тотчас же остановилась и в мгновение ока надела одну сандалию.

– А теперь, – сказала она, с трудом балансируя на одной ноге, – что ты будешь делать, если мы дальше не пойдем? Листьев Дуба, Ясеня и Терновника тут тебе не сорвать, и, кроме того, я стою на Холодном Железе!

Дан тем временем тоже надел вторую сандалию, схватив сестру за руку, чтобы не упасть.

– Что-что? – удивился Пак. – Вот оно людское бесстыдство! – Он обошел их вокруг, трясясь от удовольствия. – Неужели вы думаете, что, кроме горстки мертвых листьев, у меня нет другой волшебной силы? Вот что получается, если избавить вас от страха и сомнения! Ну, я вам покажу!

Что царства, троны, столицы

У времени в глазах?

Расцвет их не больше длится,

Чем жизнь цветка в полях.

Но набухнут новые почки

Взор новых людей ласкать,

Но на старой усталой почве

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Встают города опять.

Нарцисс краткосрочен и молод,

Ему невдомек,

Что зимние вьюги и холод

Придут в свой срок.

По незнанию впадает в беспечность,

Гордясь красотой своей,

Упоенно считает за вечность

Свои семь дней.

И время, живого во имя

Доброе ко всему,

Делает нас слепыми,

Подобно ему.

На самом пороге смерти

Тени теням шепнут

Убежденно и дерзко: "Верьте,

Вечен наш труд!"

Минуту спустя дети уже были у старика Хобдена и принялись за его немудреный завтрак – холодного фазана. Они наперебой рассказывали, как в папоротнике чуть не наступили на осиное гнездо, и просили старика выкурить ос.

– Осиным гнездам быть еще рано, и я не пойду туда копать ни за какие деньги, – отвечал старик спокойно. – Мисс Юна, у тебя в ноге застряла колючка. Садись–ка и надевай вторую сандалию. Ты уже большая, чтобы бегать босиком, даже не позавтракав. Подкрепляйся–ка фазаненком.

Примечания:

55. Сэр Хьюон – герой одноименной старофранцузской поэмы. Оберон, король фей, помог молодому рыцарю сэру Хьюону завоевать сердце красавицы леди Эсклермонд. После смерти Сэр Хьюон сменил Оберона и сам стал королем фей.

56. Вавилон – древний город в Месопотамии, столица Вавилонии.

57. Один – в скандинавской мифологии верховный бог, из рода асов. Мудрец, бог войны, хозяин вальгаллы.

58. Молот. – У бога Тора было оружие – боевой молот Мьелльнир (тот же корень, что и русского слова "молния"), который поражал врага и возвращался к владельцу как бумеранг.